

Н. П. Таньшина
РАНХиГС, Москва

НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ: ОБРАЗ РОССИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ

Статья, выполненная в рамках имагологического подхода, посвящена восприятию России во французской литературе, публицистике и общественном мнении в годы Крымской войны. Автор приходит к выводу о том, что общественное мнение, почти исключительно антирусское с 1830-1840-х гг., стало важным фактором, склонившим правящие круги Франции и Великобритании к вступлению в войну. Несмотря на то, что газеты и журналы были формально адресованы массовой аудитории, зачастую их действительной целью было стремление повлиять на процесс принятия политических решений людьми, стоявшими у власти. На основе анализа работ ряда французских авторов, таких как Л.-А. Леузон Ле Дюк, Ж. Мишле, Г. Доре, Р. Бурдьё, Ш. де Сен-Жюльен, Ж. де Ланьи, в статье реконструируются образы России во французской публицистике в годы Крымской войны и предлагается вывод о том, что русофобия в эти годы становится не просто модным, а политически необходимым, востребованным и массовым явлением. При этом автор отмечает, что для многих авторов русофобия и нагнетание «страхов фантазии» перед воображаемой «русской угрозой» являлись лишь механизмом политической игры, способом укрепления своей популярности и личного успеха. На примере рассмотренных работ периода Крымской войны показано, что восприятие России и русских французскими и в целом европейскими авторами было политически ангажированным и зависело как от внутривнутриполитической ситуации в стране, в данном случае во Франции, так и от международной обстановки. Авторы работ о России зачастую были своеобразными политическими флюгерами, отражавшими общественные настроения и выполнявшими определенный общественный заказ, поэтому их взгляд на Россию претерпевал значительные метаморфозы.

Ключевые слова: Крымская война 1853–1856 гг., русско-французские отношения, имагология, образ России, «русская угроза», русофобия
Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Цитирование: *Таньшина Н. П.* На идеологическом фронте Крымской войны: образ России во французской литературе и публицистике. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-248-274> // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 248-274.

Поступила в редакцию: 02.02.2023

Принята к печати: 01.03.2023

Natalia P. Tanshina

Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration, Moscow

ON THE IDEOLOGICAL FRONTS OF THE CRIMEAN WAR: IMAGE OF RUSSIA IN FRENCH LITERATURE AND JOURNALISM

The article, carried out within the framework of an imagological approach, is devoted to the perception of Russia in French literature, journalism and public opinion during the years of the Crimean War. The author draws a conclusion that public opinion, almost exclusively anti-Russian since the 1830s and 1840s, was an important factor in inciting the ruling circles of France and Great Britain to enter the war. Even though newspapers and magazines were formally addressed to a mass audience, often their real goal was to influence the political decision-making process of government. Based on the analysis of the works of several French authors, such as L.-A. Léouzon Le Duc, J. Michelet, G. Doret, R. Bourdier, Ch. de Saint-Julien, J. de Lagny, the author reconstructs the images of Russia in France during the Crimean War and concludes that Russophobia in these years becomes not just fashionable, but politically necessary, in demand and a mass phenomenon. At the same time, the author concludes that for many authors, Russophobia and the escalation of "fantasy fears" in front of the imaginary "Russian threat" were only a mechanism of political game, a way to strengthen their popularity, and personal success. On the example of the considered works of the period of the Crimean War, it is concluded that the perception of Russia and Russians by French and European authors as a whole was politically biased and depended both on the domestic political situation in the country, and on the situation in France and the international situation. The authors of works about Russia were often a kind of political

weather vane, reflecting public moods and fulfilling a certain social order, so their view of Russia underwent significant metamorphoses.

Keywords: Crimean War of 1853–1856, Russian-French relations, imagology, image of Russia, “Russian threat”, Russophobia

Acknowledgements: The article was written based on the RANEPА state assignment research program.

Citation: Tanshina, N., (2022) Na ideologicheskom fronte Krymskoї voїny: obraz Rossii vo frantsuzskoї literature i publitsistike [On the ideological fronts of the Crimean war: image of Russia in French literature and journalism]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-248-274>. *Annual of French Studies*, 2023, vol. 56, p. 248-274.

В современной исторической науке вопросы о причинах и сущности Крымской, или Восточной войны 1853–1856 гг. являются дискуссионными: сегодня исследователи пересматривают устоявшиеся взгляды на нее¹. Теперь историки считают, что общественное мнение, почти исключительно антирусское еще с 1830–1840-х гг., во многом стало тем фактором, который склонил правящие круги Франции и Великобритании к вступлению в войну. Как справедливо отмечает современный английский исследователь Орландо Файджес, именующий Крымскую войну «последним крестовым походом», ее причины «невозможно понять, изучая исключительно действия политиков и дипломатов. То была первая в истории война, во многом вызванная давлением прессы и общественного мнения»². Исходя из этого, известный американский историк Мартин Малиа, автор книги о восприятии России на Западе, практически считает Крымскую войну идеологической агрессией против России³. И американский исследователь Дж. Х. Глисон делает вывод о том, что «руссофобия 1830-х годов сыграла столь же важную роль в развязывании Крымской войны, что и руссофобия 1853 года»⁴.

¹ О французской историографии Крымской войны см.: *Линькова Е.В., Болливье М. де.* Французская историография Крымской войны (1853–1856 гг.): основные направления и тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 240–253.

² *Файджес О.* Крым. Последний Крестовый поход. М., 2021. С. 204. При этом, весьма объективно оценивая роль общественного мнения в сползании Франции и Великобритании к войне, и отмечая роль укоренившихся страхов в нагнетании «русской угрозы» и педалировании темы русского экспансионизма, сам автор, по сути, придерживается того же взгляда, что и англичане накануне Крымской войны. См.: Там же. С. 18–19.

³ *Malia M.* Russia under Western Eyes. From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge (Mass.) L., 1999.

⁴ *Gleason J. H.* The Genesis of Russophobia in Great Britain. A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge, 1950. P. 276.

Но если в 1830-1840-е гг. Восточный вопрос удалось разрешить дипломатическим путем, то в начале 1850-х гг. общественное мнение стало фактором, не учитывать который правящие круги уже не могли.

В результате мнение общества и политических кругов солидаризировалось: те и другие начали воспринимать Россию как угрозу равновесию сил. Да и в целом классический, если можно так сказать, образ России к этому времени уже сформировался. По словам немецкой исследовательницы Шарлотты Краус, в середине XIX в. «русский персонаж» создавался без усилий, поскольку коллективное воображение располагало всеми необходимыми для этого характеристиками⁵.

Годы Крымской войны были отмечены всплеском антирусской пропаганды и наиболее острыми выпадами в адрес России. В Европе появилось множество газетных и журнальных публикаций, карикатур с марширующими медведями, памфлетов и книг, посвященных описанию варварской и дикой природы русских и их государственности.

Французская пресса оказывала заметное влияние на внешнюю политику Наполеона III, особенно преуспели в этом провинциальные католические издания, призывавшие к войне с Россией с самого начала спора о Святых местах⁶. Для газет эта «священная война» являлась помимо прочего удобным предлогом для укрепления в самой Франции позиций католической церкви. Католическое духовенство имело большое влияние на режим Второй империи и подталкивало императора к войне.

Да и самому Наполеону III не нужно было ничего изобретать для объяснения необходимости войны с Россией, ведь в свое время это уже сделал его дядя. Как отмечает современный исследователь Н. В. Промыслов, «Наполеон III накануне и во время Крымской войны использовал негативные образы России, сохранив-

---

⁵ Krauß Ch. La Russie et les Russes dans la fiction française du XIXe siècle (1812–1917). D'une image de l'autre à un univers imaginaire. Amsterdam - New York, 2007. P. 11. Как справедливо отмечает исследовательница, независимо от опыта автора, Россия и русские, представленные на страницах французской художественной литературы, значительно отличались от реальной России и ее жителей. В художественных текстах их создатели продолжали транслировать уже сформировавшиеся стереотипы, на которые никак не влиял рост знаний о России. Krauß Ch. La Russie et les Russes dans la fiction française du XIXe siècle (1812–1917). Ibid. P. 391.

⁶ См. об этом: Анисимов О. В. Россия и Наполеон III: борьба за Святые места Палестины. М., 2014.

шиеся в памяти широких слоев населения со времен 1812 года и присутствия во Франции русского оккупационного корпуса, для поддержки реваншистских настроений и своего внешнеполитического курса»⁷. Память о Русской кампании, бегстве Наполеона из Москвы, а потом и о вступлении русских войск в Париж была для французов памятью-травмой, постоянным источником боли и унижения. Поэтому в период ухудшения официальных отношений, тем более во время войны, созданные в период Первой империи пропагандистские стереотипы варварства и жестокости русских солдат сознательно актуализировались.

Не стоит удивляться, что антирусская кампания активизировались в марте 1853 г., когда Франция отправила свой флот к Саламину, и после вступления русских войск на территорию Молдавии и Валахии (21 июня (3 июля) 1853 г.). В рамках этой пропагандистской кампании во Франции вышел ряд работ о России, среди которых особенно выделялся памфлет с говорящим названием: «Кнут и русские. Нравы и устройство России» Жермена де Ланьи⁸. Название выражало всю концепцию этой книги, имевшей целью утолить потребность части французской публики видеть Россию на самой нижней ступеньке лестницы цивилизации.

Автор с этой задачей справился, хотя книга получилась не столь категоричной, как могло бы следовать из названия. Несмотря на то, что образ кнута в этой работе является олицетворением грубой и репрессивной силы, после прочтения отнюдь не складывается гнетущее впечатление о России, а образ императора, более того, предстает безукоризненным. В остальном же, как справедливо полагал известный французский исследователь франко-русских интеллектуальных связей Шарль Корбе, эта книга была ужасным антироссийским досье, причем во всех аспектах⁹.

Чем был обоснован интерес Жермена де Ланьи к России? Та, по его словам, проводит настолько активную политику, что всюду это вызывает беспокойство и любопытство. Вся Европа, полагал он, ненавидит Россию и русских: «В Германии, как, впрочем, по-

⁷ Промыслов Н. В. После «Грозы 1812 г.»: формирование образа врага в исторической памяти французов // ЭНОЖ История. Мир после войны. Опыт примирения в мировой истории: от Древнего мира до наших дней. Том 6. Выпуск 11 (44). URL: <https://history.jes.su/s207987840001363-8-2/> (дата обращения: 18.02.2023).

⁸ Про автора известно мало: он некоторое время путешествовал по России и позднее написал две книги об охоте в 1862 и 1863 гг.

⁹ Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894). P., 1967. P. 287.

всюду, одно только русское имя вызывает омерзение. Оно есть самое полное олицетворение варварства и дикости, и для большинства европейских наций Россия – это все еще кочевая Тартария Чингисхана или Тамерлана»¹⁰.

Россия представляет собой не только царство фасадов (этот стереотип прочно закрепился со времени публикации книги маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году»), но еще и царство кнута! Кнут олицетворяет грубую власть силы, жестокости и деспотизма: «Кнут! Нет ни во французском языке, ни в языке другого цивилизованного народа слова, которое одно воплощает в себе столько сверхчеловеческих жестокостей и страданий!»¹¹. Именно кнутом, то есть насилием и страхом, достигается рабская покорность народа: «Кнут! От одного этого слова у русского холодеет сердце, кровь стынет в жилах, это слово бросает в жар, поселяет ужас в душе и подавляет шестидесятимиллионный народ. Но знаете ли вы, что такое кнут? Это – смерть, – скажете вы. – Нет, это не смерть, это в тысячу раз хуже»¹².

Однако особой нужды применять кнут нет, ведь народ и без того покорен и безропотен, что является следствием крепостного права, которое ввергло народ в рабское состояние: «Приученный к покорности и ужасающему рабству, крестьянин совершенно безразличен ко всему, что его окружает. Управляющий его обкрадывает, хозяин, дабы удовлетворить свою похоть, забирает его дочь, а он благодарит его за честь, оказанную его семье»¹³.

Автор осуждает крепостничество, но подчеркивает, что в российских реалиях крепостное право предпочтительнее того положения, которое ожидает крестьян на воле: «У русских крестьян нет стремления к свободе, и они счастливы в условиях рабства <...> Поэтому они предпочитают крепостническое состояние, позволяющее им не думать о будущем и о свободе, призывающей их к труду. Есть что-то негритянское в природе русских»¹⁴.

Русский народ, по словам Ланьи, пребывает еще в детском, читай – диком, состоянии: «Нравы русского крестьянина – это нравы ребенка»¹⁵. Это тоже один из укоренившихся стереотипов:

¹⁰ *Lagny G., de.* Le knout et les Russes. Mœurs et organisation de la Russie. P., 1853. P. 3.

¹¹ *Ibid.* P. 216.

¹² *Ibid.*

¹³ *Ibid.* P. 172.

¹⁴ *Ibid.* P. 190-191.

¹⁵ *Ibid.* P. 190.

Россия далеко отстоит от Запада, русскому народу еще предстоит пройти путь, который уже давно прошли все цивилизованные народы.

Если Россия – царство кнута, то император, казалось бы, должен являться персонификацией деспотичной власти. Однако ничего подобного в тексте де Ланьи мы не находим, даже наоборот: «Император Николай, безусловно, самый достойный человек в своей империи, равно как самый красивый, самый справедливый, самый гуманный и самый просвещенный. Он внушает уважение и почтение всем, кто его окружает или имеет счастье к нему приблизиться, не столько из-за преклонения перед священной властью, сколько из-за его редких и великих качеств»¹⁶.

Какой же вывод делает автор книги? Россия – это не только «царство фасадов», но и страна парадоксов. Вроде бы, всё плохо, но для русских – отнюдь нет, поэтому весь набор негативных штампов – самодержавие, деспотизм, крепостничество – на деле не столь однозначен. В то же время де Ланьи уверяет читателя, что европейцам нечего опасаться России, ведь она колосс на глиняных ногах – и это тоже общее место. Поэтому, полагает де Ланьи, «не надо верить в то невероятное будущее, которое ей предсказывают большинство государственных людей, видевших эту страну только на карте»¹⁷.

К концу 1853 г. французское общественное мнение являлось резко антироссийским. В то же время «русская тема» была в моде. Например, в парижском театре «La Gaîté» (Веселье) 24 ноября состоялась премьера драмы в пяти актах Франсуа-Альфонса Арно и Луи Жюдиси «Кзаки»¹⁸. На волне патриотического подъема, охватившего французов, постановка имела невероятный успех. Действие пьесы происходит в феврале 1814 г. в Труа, куда приходят русские казаки под командованием графа Манзароффа. У казаков имена типично «русские» – «Русское», «Фёдорович», «Ивановф», а сами они представлены в стереотипных образах: едят сало, требуют водки у маркитантки по имени Марион Бородино в непомерных количествах, из-за чего Марион в целях экономии разводит водку водой из Сены, говорят на «русском» языке, издавая звуки «*tcheff, tchiff, tchoff*». Граф Манзарофф – жестокий и вероломный человек: на поле боя он убивает безоружного противника, моля-

¹⁶ Ibid. P. 273.

¹⁷ Ibid. P. 13-14.

¹⁸ Arnault A., *Judicis L. Les Cosaques: drame en cinq actes et neuf tableaux*. P., 1853.

щего о пощаде, а в своем салоне стреляет в крепостного за разбитую вазу, а потом спокойно продолжает чтение газеты. Крепостная графа, «казачка» Ольга, «прекрасная в своей дикой казацкой красоте», имеющая нрав «наполовину варварский, наполовину цивилизованный»¹⁹ (но прекрасно говорящая по-французски!), не жалуется на судьбу, понимая, что крепостные – это рабы, собственность хозяина. Именно она единственный положительный персонаж среди русских. Несмотря на свою испорченность крепостничеством Ольга в итоге спасает главных героев, но погибает после наказания кнутом.

Однако это была драма не столько о казаках, сколько о французах, которые, согласно замыслу автора, и в 1814 г. сохраняли силу духа, национальную гордость и желание отомстить «татарским ордам», попирающим их землю. Так, женщина из народа наставляет ребенка, указывая на казаков: «Посмотри внимательно на этих людей, мое дитя, это враги твоей страны...они убили твоего отца, они изнасиловали твою мать...помни об этом, когда станешь взрослым!» И ребенок отвечает: «Матушка, когда я вырасту, я возьму ружье и убью казаков»²⁰. В финале смекалистые французы, переодевшись казаками, смогли победить бестолковых врагов, в чем им помогала даже собака. Казакам пришлось бежать из Труа, куда под восторженные крики «Да здравствует император!» вступил Наполеон.

В годы Крымской войны считалось хорошим тоном высмеивать Россию, ее историю, политику и государей. Особенно доставалось императору Николаю I. Если взглянуть на многочисленные карикатуры тех лет, то Николай Павлович изображен грубым и нечесаным дикарем. Конечно, это нисколько не соответствовало безукоризненной внешности российского императора, но пропагандисты преследовали свои цели. Так и успех «Казаков» стал результатом не столько художественных достоинств драмы, сколько следствием атмосферы, царившей в Париже. Именно общественный настрой определял успех или провал театральных постановок.

В конце 1853 г. Виктор Гюго, находившийся в оппозиции режиму Наполеона III и проживавший в «ближнем зарубежье» – на острове Джерси, отпраздновал на свой лад 23-ю годовщину польского восстания, обрушив новые инвективы на императора Ни-

¹⁹ Ibid. P. 14–15.

²⁰ Ibid. P. 61.

колая: «Есть в Европе человек, который давит на нее, который в целом есть правитель духовный, владыка земной, деспот, самодержец, строгий в казарме, смиренный в монастыре, раб устава и догмы, и который приводит в движение, чтобы подавить свободы континента, империю, мощью в шестьдесят миллионов человек <...> Он царствует в Берлине, Мюнхене, Дрездене, в Штутгарте, в Вене, как и в Санкт-Петербурге; у него душа австрийского императора и воля короля Пруссии; старая Германия всего лишь его прицеп <...> Он держит в руках крест, который превращается в меч и скипетр, который превращается в кнут». Гюго полагал, что конфликт с Россией приведёт к всеобщей революции и к созданию «конфедерации единых народов. Европа казаков породит Европу республиканскую»²¹.

Французы сравнивали русских с гуннами. Так, в конце января 1854 г. газета *Impatrial* писала: «Император Николай – тот же Аттила. Думать иначе – значит отвергать всякую справедливость и порядок. Лживая политика, лживая религия – вот что такое Россия. Ее варварство, обезьянья карикатура на нашу цивилизацию, не вызывает ничего, кроме недоверия, ее деспотизм внушает нам ужас <...> Ее деспотизм подходит, вероятно, ее населению – поллюдям-полузверям, сборищу разъяренных животных, но людям цивилизованным он не пристал...»²².

9 (21) февраля 1854 г. последовал царский манифест «О прекращении политических сношений с Англиею и Франциею». 27 марта 1854 г. о состоянии войны объявила королева Виктория, днем позже это сделал император Наполеон III.

Начиная войну, Наполеон III активно мобилизовал общественное мнение. 2 марта 1854 г., выступая на открытии парламента, он заявил об опасности, исходящей для Европы от «колоссальной державы, протянувшейся от Севера до Юга, владеющей почти исключительно двумя внутренними морями, угрожающей своей армией и флотом нашей цивилизации»²³. Вновь сделалось актуальным фальшивое «Завещание Петра Великого». Наполеон III приказал вывесить его текст в общественных зданиях по всей Франции.

Как отмечал Ш. Корбе, анализ официального издания *Le Moniteur Universel* показывает, что если в 1853 г. русская тема не особенно занимала читателей, то в следующем году внимание к России за-

²¹ Цит. по: *Corbet Ch.* Op. cit. P. 289.

²² Цит. по: *Файджес О.* Указ. соч. С. 209.

²³ *Corbet Ch.* Op. cit. P. 286.

метно возросло. На страницах издания публиковались выдержки из «Степей Каспийского моря» супругов Адель и Ксавье Оммер де Гелль, инженеров-геологов, неоднократно бывавших в России и написавших об этих поездках целый ряд работ²⁴; обсуждались образы казаков из очерка Проспера Мериме «Украинские казаки» (1854); сообщалось о владениях России в Калифорнии. 17 декабря внимание читателей было привлечено к устойчивому характеру русской дипломатии: подчеркивалось, что ее принципы были выработаны еще Петром Великим, и с тех пор она неизменно следовала путем, завещанным императором²⁵.

В 1854 г. вышло пятое издание книги А. де Кюстина. В предисловии к этому последнему прижизненному изданию маркиз подчеркивал: да, он не пророк, но Россия такова, какой он ее увидел. По его словам, даже в момент первой публикации его работы «Россия представляла перед Европой в ореоле лжи», и «лишь нынешней войне оказалось под силу разрушить эти чары». Кюстин отмечал, что ему «удалось разглядеть лицо государя, который носит самую непроницаемую маску в мире, ибо правит народом, для которого лицемерие – вторая натура»²⁶. И если в своей книге маркиз пощадил императора Николая, то в предисловии к пятому изданию он написал: «Император Николай прежде всего – уроженец своей страны, страна же эта не может вести честную политику, ибо судьба постоянно увлекает ее на путь завоеваний, свершаемых на благо деспотизма, подобных которому нет в мире, ибо он весьма искусно притворяется цивилизованным. Только люди бесконечно доверчивые или бесконечно недобросовестные могли искать в этой стране лекарство от опасностей, грозящих Европе»²⁷. Поэтому, чтобы просветить простой народ, отмечает Кюстин, он и решил выпустить дешевое издание для широкой публики.

Для Кюстина, ревностного католика, война с Россией носила именно религиозный характер: «Полтора десятка лет назад я предсказывал неминуемый поединок католической церкви с русской православной церковью; борьба – борьба вооруженная, борьба

²⁴ Подробнее см.: *Орехов В. В.* В лабиринте крымского мифа. Великий Новгород, Симферополь, Нижний Новгород, 2017; *Таньшина Н. П.* Русофилы и русофобы: приключения французов в николаевской России. СПб., 2020.

²⁵ *Corbet Ch.* Op. cit. P. 287.

²⁶ *Кюстин А.* Предисловие автора к пятому изданию (1854) // Кюстин А., де. Россия в 1839 году. СПб, 2008. С. 681.

²⁷ Там же.

ба страшная – уже началась; чем-то она закончится?»²⁸ Как видим, речь шла о причинах исходного неприятия России, причинах куда более глубоких, нежели наличие или отсутствие представительной формы правления.

Русофобия²⁹ в годы Крымской войны стала не просто модным, но и политически необходимым, востребованным и массовым явлением, не случайно Кюстин адресовал новое издание своей книги широкому читателю. Политически ангажированных авторов, для которых русофобия и нагнетание воображаемых страхов, или, говоря словами американского исследователя Ларри Вульфа, «страхов фантазии»³⁰ перед воображаемой Россией было лишь механизмом политической игры или способом укрепления своей популярности, достижения личного успеха, было немало. Типичным примером создания ситуативно востребованного образа России является творчество исследователя северных стран, ученого, переводчика Луи-Антуана Леузон Ле Дюка (1815–1889)³¹. Каких только работ о России не написал он: это и рассказы о путешествиях, и образцовые русофобские агитки на злобу дня, которым позавидовал бы маркиз де Кюстин, и литературно-критические эссе, и даже романы!

Восприятие иностранцами России зависело прежде всего от двух факторов: как европейцы сами себя ощущали и каковы были их ожидания от России. На примере произведений Леузон Ле Дюка такие метаморфозы восприятия прослеживаются весьма отчетливо. Автор этот как флюгер, и его описания России зависели от ситуации текущего политического момента. Россия на страницах его произведений, на первый взгляд, предстает весьма разнообразной, причем даже в работах, написанных в одно и то же время, более того, даже в пространстве одного текста. Однако при более-

²⁸ Там же.

²⁹ Термин «русофобия» вошел в политический лексикон еще в 1830-е гг., и пустили его в оборот английские радикалы, высмеивая преувеличенных страх английских политиков перед так называемой «русской угрозой». См.: Душенко К. В. Первые дебаты о «руссофобии» (Англия, 1836–1841) // Историческая экспертиза. 2021. № 4. С. 225–242.

³⁰ См.: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 20.

³¹ Леузон Ле Дюк — французский путешественник, писатель, переводчик, издатель и публицист. Он родился 11 декабря 1815 г. в Дижоне, его отец и дед были столярами. Однако для выходца из народа он сделал блестящую карьеру, как научную, так и административную, особенно с учетом того, что со временем он оказался вхож даже в высшие круги российской знати и получил доступ к важным документам, а французские власти стали ему поручать правительственные миссии.

менее внимательном прочтении видно, что его отношение к России неизменно, просто слегка варьируется степень её неприятия.

Леузон Ле Дюк неоднократно бывал в России. По итогам своего путешествия в нашу страну и экспедиции за камнем для саркофага Наполеона в 1853 г. он опубликовал работу «Очерки по истории России и Северной Европы»³². В этой книге нет никакой политики, и в своем рассказе о путешествии за камнем Леузон Ле Дюк ничего плохого о России не написал, а в последующие издания этой работы даже не внес никаких изменений. Книга – просто рассказ об экспедиции и о впечатлениях от Карелии и ее жителей.

Как только началась война, Леузон Ле Дюк оказался одним из тех, кто возглавил пропагандистскую антирусскую кампанию. В 1853 г. он опубликовал работы «Современная Россия» и «Русский вопрос», в следующем – книгу «Россия и европейская цивилизация». Две последние работы – это откровенно русофобские тексты, жесткая пропагандистская публицистика, созданная на потребу дня.

Как подчеркивает Леузон Ле Дюк в предисловии к работе «Россия и европейская цивилизация», датированном 1 июня 1854 г., на написание книги его сподвигло стремление рассказать правду о России и написать так, как ему диктует его совесть³³. Себя автор представляет серьезным знатоком России, сообщая, что неоднократно выполнял там правительственные миссии и встречался с официальными лицами, оказывавшими ему всяческое содействие³⁴. Однако Леузон Ле Дюк подчеркивает, что вся эта помощь – лишь следствие желания пустить пыль в глаза, и в этом искусстве русские весьма преуспели, более того, они умеют «позитивно маскировать» свою страну, то есть представлять ее в выгодном свете³⁵. Как видим, автор развивает уже сформировавшийся стереотип о том, что Россия – «царство фасадов» и все в ней видимость, что объясняется не чем иным, как стремлением скрыть реальную ситуацию: «Что такое империя русских? Имя ей – ложь»³⁶.

---

³² *Léouzon Le Duc L.-A. Études sur la Russie et le Nord de l'Europe*. P., 1853. В 1873 г. эта история увидела свет в виде небольшой брошюры под названием «Саркофаг Наполеона в Соборе Инвалидов». В 1886 г. этот же очерк вошел в книгу «Воспоминания и впечатления от путешествий по странам Северной Европы: Швеции, Финляндии, Дании и России» (второе издание появилось спустя десять лет).

³³ *Léouzon Le Duc L.-A. La Russie et la civilisation européenne*. P., 1854. P. I-II.

³⁴ *Ibid.* P. IX.

³⁵ *Ibid.* P. VII.

³⁶ *Ibid.* P. 180.

Как известно, рыба гниет с головы, а обман начинается на самом высоком уровне, и главным устройтелем «царства фасадов», утверждает Леузон Ле Дюк, является сам император. Француз рассказывает, как однажды в Петербург из Берлина прибыла группа прусских офицеров с целью изучения опыта организации эскадронов гвардейской кавалерии. Император принял гостей в высшей степени любезно и сказал по-немецки сопровождавшему его офицеру: «Видишь этих господ? Их отправил сюда мой прусский брат с целью изучить наши эскадроны. Покажи им все, как братьям!» А потом обратился к нему уже по-русски: «Ты им все покажешь так, как должен показать!» И офицер, по словам Леузон Ле Дюка, все прекрасно понял³⁷.

Книга построена как хорошо продуманное пропагандистское пособие, где в каждой главе (а их много) описывается политическая, социальная и религиозно-нравственная картина жизни российского общества. Как в настоящем учебнике, здесь присутствует развернутый план работы, благодаря которому содержание становится предельно понятным. Так, первая глава называется «Самодержавие». Из перечня вопросов, освещаемых здесь, читатель узнает, что самодержавие – это амальгама всех тираний, антиевропейский институт, не имеющий аналогов в мире, и уже одного института самодержавия достаточно, чтобы сформировалась пропасть между Россией и цивилизованной Европой³⁸. При Иване Грозном самодержавие оформляется в окончательном виде: «Нет больше спокойствия, нет безопасности, есть только смерть для всех»³⁹.

Петр Великий, по словам Леузон Ле Дюка, напрасно попытался превратить самодержавие в инструмент цивилизации: «Самодержавная власть может побрить мужиков и одеть их в европейские одежды, но не может вызвать процветание ума и расцвет разума». При Екатерине II власть стала еще более развращенной, и «самодержавие попало в публичный дом», а при Петре III и Павле I – в дом сумасшедший. Александр I – «галантный и мистический, он ошибался и мечтал, и так прошла его жизнь». Что касается императора Николая, то он вобрал в себе черты всех своих предшественников, но превзошел их в хитрости. Столь же жестокий и беспощадный, как Иван IV и Петр I, но более хладнокровный, сам уже головы топором не рубит, но жизнь человеческую абсолютно не

³⁷ Ibid. P. VIII.

³⁸ Ibid. P. 5.

³⁹ Ibid. P. 9.

ценит. Что еще важно, Николай I придал самодержавию милитаризованный характер: «Невозможно сегодня представить самодержца иначе как в военном мундире и с саблей в руке. Вот идеал!»⁴⁰ Поэтому, в то время как все другие державы мечтают о мире, Россия только и делает, что мечтает о войне и готовится к ней⁴¹.

Россия – «это варварское по своей сути государство, с невероятным постоянством играющее в цивилизацию». И далее Леузон Ле Дюк начинает сеанс разоблачения: «Религия? Ее там нет: под роскошным покровом православия, в которое она драпируется, скрывается скептицизм, часто доходящий до атеизма, или, по крайней мере, до сухого безразличия. Патриотизм? Тут совсем не понимают этого чувства. Просвещение? Оно дало цветы, но они бесплодны. Общество говорит на всех языках, но то великое, прекрасное и возвышенное, что на этих языках было создано, русские игнорируют»⁴². Россия может быть по отношению к европейской цивилизации только «либо пародией, либо угрозой. <...> Россия – это трехголовое чудовище, отталкивающее от себя Европу, и имя трем головам: крепостное право, православие и самодержавие»⁴³.

В примечаниях книги, без всяких комментариев, автор публикует фальшивое «Завещание Петра Великого»⁴⁴, выдавая его за чистую монету.

В работе «Русский вопрос», написанной летом 1853 г., то есть буквально накануне Крымской войны, особым нападкам Леузон Ле Дюк подвергает православную церковь⁴⁵. Нападки на церковь понятны, особенно с учетом того, что поводом к Крымской войне стал конфликт из-за покровительства Святым местам. Но здесь ситуация гораздо серьезнее, поскольку мы имеем дело с истоками русофобии как таковой, а она своими корнями уходит в том числе в раскол церковей и принятие Русью христианства по восточному образцу. Правда, Леузон Ле Дюк полагает, что Русь приняла христианство по католическому образцу, ведь официально раскол церковей произошел только в 1054 г.

Православная церковь, по словам Леузон Ле Дюка, является «мертвым институтом»: «Если католическая церковь способство-

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid. P. 273-274.

⁴² Ibid. P. 224-225.

⁴³ Ibid. P. 264, 266.

⁴⁴ Ibid. P. 279-283.

⁴⁵ *Léouzon Le Duc L.-A. La Question russe. P., 1853.*

вала развитию цивилизации, протестантская – развитию мысли, то православная церковь все вокруг себя атрофирует»⁴⁶. И дальше читатель видит потрясающий по своей «проницательности» пассаж: «Куда идет этот мужик, куда идет этот торговец, куда идет этот служащий, которые, проходя мимо церкви, крестятся и машинально шепчут три или четыре слова молитвы? Один идет в свою контору обкрадывать императора, другой – за свой прилавок обкрадывать своих клиентов, третий – в кабак, напиться. Не существует никакой связи между обрядами православной церкви и добродетелью. Это – гимнастика, только и всего»⁴⁷.

Но если обратиться к работе «Современная Россия» (первое издание – 1853-й, второе – 1854 г.)⁴⁸, то станет ясно, что это совсем иная книга. Перед нами настоящий справочник сведений о России, с описанием самых разных аспектов жизни страны и русского общества, что видно уже из названий глав: Петербург, император Николай и его двор, императорская семья, администрация, общество, образование и литература, греко-русская церковь, помещики и крепостные, торговля и промышленность, военные и морские силы, полиция и иностранцы, и, как заключение, снова фальшивое «Завещание Петра Великого».

Однако это уже совсем другая книга о России, нежели «Русский вопрос» и «Россия и европейская цивилизация». Да, это взгляд европейца, более того, это взгляд француза, убежденного в превосходстве своей культуры и цивилизации и снисходительно оценивающего диких варваров. Но этот взгляд вовсе не злобный и не ожесточенный. Более того, Леузон Ле Дюк делает вывод о том, что если Россия избавится от «дикого института крепостничества», то сможет стать одной из «великих европейских наций». Создается впечатление, что разные работы Леузон Ле Дюка адресованы разной публике. Или у него были разные заказчики. В любом случае очевидно, что русофобия для него – всего лишь удобный инструмент. Пройдет десять лет, ситуация изменится, и Леузон Ле Дюк начнет писать сентиментальные романы о России и русских⁴⁹.

⁴⁶ Ibid. P. 47.

⁴⁷ Ibid. P. 48.

⁴⁸ *Léouzon Le Duc L.-A. La Russie contemporaine. P., 1854.*

⁴⁹ *Léouzon Le Duc. L.-A. Ivan. P., 1859; Idem. La Princesse Gourkoff, suite et fin de l'Odyssee galante d'une princesse russe. P., 1879; Idem. L'Odyssee galante d'une princesse russe. P., 1879.* К этому времени во французской литературе были разработаны и основные русские типы: своенравный князь, колеблющийся между своим чудовищным характером и интересом к европейской культуре; император, правящий народом рабов, подчиняющихся

Такие же конъюнктурные метаморфозы произошли с французским писателем и переводчиком английских приключенческих романов Раулем Бурдые (1818–1855)⁵⁰. В 1854 г. вышла в свет его работа о Сибири, куда, он якобы ездил в 1851 г. с русским предпринимателем, торговцем пушниной и бивнем мамонта Иваном Третьяковым⁵¹.

Вероятно, всё это путешествие – чистый вымысел, пересказ того, что ранее Бурдые вычитал в книгах. Но в данном случае важно другое. Перед нами – повествование об увлекательном путешествии в Сибирь и на Камчатку, в котором автор совершенно не касается политики, даже когда рассказывает о завоевании Сибири. И это очень показательно, ведь зачастую для европейцев Сибирь и Россия – понятия синонимичные, а Сибирь – это фактически место небытия. Вспомним маркиза де Кюстина, для которого Сибирь простиралась на восток от Вислы.

Но вот началась Крымская война, и французам стало не до рассказов о Сибири. Зато Крым оказался для них весьма интересен. Рауль Бурдые не мог остаться в стороне и принял участие в создании большой коллективной работы, посвященной Восточной войне. Он написал часть, посвященную Крыму, его истории, населению, культуре, природе и климату и, главное, тому, что с ним стало после присоединения к России⁵². И это уже работа прямо противоположная рассказу о путешествии в Сибирь. Перед нами – настоящий пропагандистский памфлет или пасквиль, написанный в жестком антирусском ключе, хотя Бурдые и заверяет читателя, что его книга совершенно вне политики, это лишь созданный на основе описаний путешественников, историков и географов рассказ о Крыме, которым французы до сих пор слабо интересовались и который плохо знали.

воле «отца»; мужик, извозчик и казак, отличающиеся отсутствием самостоятельности и слепым подчинением приказам начальника, но в то же время олицетворяющие народную, исконную русскую культуру. Женские персонажи в основном делятся на два типа: женщина-мученица, следующая за мужем в Сибирь, и холодная женщина-соблазнительница с криминальными наклонностями. *Krauß Ch. Op. cit. P. 392*. Все эти типажи встречаются на страницах книг Леузон Ле Дюка.

⁵⁰ Несмотря на то, что он много писал о путешествиях, был переводчиком английских приключенческих романов, информации о нем удалось найти весьма мало. На сайте Французской национальной библиотеки в сведениях об авторе отсутствуют даже годы жизни. Тем не менее удалось выяснить, что он жил в 1818–1855 гг., был женат на дочери своего издателя и скоропостижно скончался в возрасте 37 лет в тот же год, что и его родители, возможно, от холеры, вспышка которой произошла тогда в Европе.

⁵¹ [*Saint-Julien Ch., de*] Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien, suivi d'un Voyage en Sibirie, par M. R. Bourdier. P., 1854.

⁵² Bourdier R. Histoire de la Crimée // Histoire de la guerre d'Orient, 4e série. P., 1855.

В предисловии, написанном 28 октября 1854 г., автор четко дает понять читателю, что тот должен усвоить по прочтении этой книги. А усвоить он должен следующее: Крымское ханство до его «вероломной и одиозной оккупации» Россией было просто райским местом. Однако пришли русские, эти новые варвары и вандалы, и всё разрушили⁵³. В таком вот плачевном состоянии Крым находится и спустя полвека после завоевания.

Русские в Крыму сознательно разрушали всё: античные памятники, традиции и обычаи татарского населения, мечети, водопровод и городские фонтаны. Их политика привела к запустению и стагнации почти всех городов Крымского полуострова: Керчи, Феодосии, Инкермана, которые представляют собой, говоря его словами, «еще дымящиеся руины». Однако Бурдые вынужден признать, что кое-что русские в Крыму всё же создали. Прежде всего, Севастополь, построенный Екатериной II «для реализации ее не просто имперских замашек, но для исполнения заветной мечты всех русских правителей – подчинить себе весь мир» и создать «всемирную империю»⁵⁴.

Автор весьма впечатлен Севастополем, однако заключает совершенно в духе маркиза де Кюстина, что Россия – это «царство фасадов» и все в ней лишь видимость. Русские корабли пожираются червями, а укрепления совершенно не защищают порт со стороны суши и в целом ни к чему не пригодны. Корабли построены из плохих материалов, а флот как таковой – просто «обман зрения», ибо все деньги поглотила коррупция, матросы неумелы, а офицеры – неопытны⁵⁵. Севастополь, по его словам, очевидным образом демонстрирует характер так называемого «русского величия»: «монументальная и внушительная внешность, скрывающая реальную слабость»⁵⁶.

В пятой части этой коллективной работы о Крымской войне опубликован очерк, посвященный императору Николаю I⁵⁷. Предисловие к нему написано все тем же Бурдые 30 марта 1855 г. Как опытный пропагандист, он снова наставляет читателя. Если раньше он писал о червях, пожирающих корабли, то теперь пишет о червях, пожирающих труп российского императора: «Странный

⁵³ Ibid. P. 22.

⁵⁴ Ibid. P. 23.

⁵⁵ Ibid. P. 31.

⁵⁶ Ibid. P. 25.

⁵⁷ *La Bédollière É. Nicolas Ier // Histoire de la guerre d'Orient. 5e série. P., 1855.*

поворот человеческой судьбы! Самый могущественный деспот, перед которым трепетали миллионы рабов, дрожа в слепом ужасе, теперь всего лишь неподвижный труп, призванный стать пищей для могильных червей»⁵⁸. Теперь «этот бывший властелин России, подавлявший столько свобод, чинивший такие репрессии, так угнетавший народы Польши, Кавказа и Крыма, предстанет пред высшим судом»⁵⁹. Что характерно, собственно очерк о Николае I, написанный другим автором, представляет собой вполне уравновешенное повествование. А главное, у него весьма оптимистичное окончание: главная цель нового императора Александра II – потушить огонь войны, разожженный амбициями его предшественника⁶⁰. Война подходит к концу, императора Николая нет в живых, – отсюда и метаморфозы в восприятии.

От публицистов и писателей не отставали в идеологической борьбе и историки. Историк, безусловно, должен заниматься наукой, но порой и он превращается в пропагандиста. Именно такая метаморфоза произошла в годы Крымской войны с Жюлем Мишле (1798–1874). Представитель романтической школы историографии, он, как и большинство французов, симпатизировал полякам, героизируя и романтизируя их борьбу с Россией. Соответственно, любовь к «несчастной» Польше имела своей обратной стороной ненависть к ее «угнетательнице» России. Эта ненависть наглядно проявилась в публицистических статьях Мишле, которые он начал писать в 1851 г., а три года спустя опубликовал в сборнике «Демократические легенды Севера». Эти тексты создавались под влиянием работы А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России», изданной в 1851 г. на французском языке. Её Мишле называл «героической книгой великого русского патриота»⁶¹. Правда, самому Герцену такая интерпретация его идей пришлась не по душе, и он был вынужден написать опровержение: сразу после знакомства с первыми статьями Мишле осенью 1851 г. Герцен опубликовал в Ницце брошюру «Русский народ и социализм (Письмо к Ж. Мишле)»⁶².

Мишле в своих статьях ничуть не оригинален: как и многие авторы, до него и одновременно с ним писавшие о России, он заню-

⁵⁸ Ibid. P. 49.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Ibid. P. 80.

⁶¹ *Мишле Ж.* Демократические легенды Севера // Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология. М., 2013. С. 302.

⁶² *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 307.

во «открывает» европейцам нашу страну, подчеркивая, что до недавнего времени «Россия, настоящая, народная Россия, была известна в Европе ничуть не больше, чем Америка до Христофора Колумба»⁶³. Мишле попытался создать психологический портрет русских, вложив в эту работу всю мощь своего эмоционального темперамента. Портрет получился запоминающимся: Мишле буквально фонтанирует ненавистью к русским. Нельзя не согласиться с мнением Шарля Корбе, отметившего, что Мишле ненавидит русских на физиологическом уровне, ненавидит буквально само их физическое состояние. Мишле впадает в раж транса от одного упоминания России: это слово для него синоним Сатаны⁶⁴.

В годы войны публицистика обычно старается создать крайне неприглядный образ противника. И Мишле постарался на славу, причем, надо полагать, делал это искренне. Он дегуманизирует русских, отказывая им в праве считаться не только нацией, но людьми как таковыми: «Глядя на русских, ясно понимаешь, что это племя пока не развилось до конца. Русские – еще не вполне люди. Им недостает главного свойства человека – нравственного чувства, умения отличать добро от зла...»⁶⁵. Русские для Мишле сродни природной стихии: «Душа русского – стихия более природная, нежели человеческая. Добиться, чтобы она застыла, практически невозможно; она текуча, увертлива»⁶⁶. Вновь и вновь Мишле задается вопросом: «Что же такое русский народ? Сообщество людей или еще не организованная природная стихия? Может быть, это песок, летучая пыль...? Или все-таки вода?...» Русские – это даже не песок и не вода: «Нет, песок куда надежнее, чем русский народ, а вода далеко не так обманчива»⁶⁷.

При этом Мишле вынужден согласиться с тем, что у русских есть множество превосходных качеств: «Они кротки и уступчивы, из них выходят верные друзья, нежные родители, они человеколюбивы и милосердны. Беда лишь в том, что они напрочь лишены прямодушия и нравственных принципов. Они лгут без злого умысла, они воруют без злого умысла, лгут и воруют везде и всегда». Ложь, по мнению Мишле, это главное свойство русских и самой русской жизни: «В России все, от мала до велика, обманывают и

⁶³ Мишле Ж. Демократические легенды Севера. С. 288.

⁶⁴ Corbet Ch. Op. cit. P. 277.

⁶⁵ Мишле Ж. Указ. соч. С. 294.

⁶⁶ Там же. С. 297.

⁶⁷ Там же. С. 299.

лгут: эта страна – фантазмагория, мираж, империя иллюзий»⁶⁸. Сам Мишле в России никогда не был, а из русских общался преимущественно с эмигрантами-западниками, тем не менее охотно воспроизвел устойчивый стереотип: у русских нет нравственной основы, и поэтому они, в отличие от европейцев, лишены моральных качеств, отсюда их тотальная ложь. В данном случае демократ Мишле шел строго по следам маркиза де Кюстина.

В основу русской жизни Мишле ставил «коммуну» или «общину», очевидно под влиянием Герцена: «Русская жизнь – это коммунизм»⁶⁹. Но дальше Мишле с Герценом расходился, заявляя, что община в России, как и всё остальное, ложная. С Кюстином же Мишле сближает то обстоятельство, что община для него – это тоже смерть: «Общинный коммунизм, способствующий рождаемости, несет в себе также начало совершенно противоположное – влекущее к смерти, к непроизводительности, к праздности. Человек, ни за что не отвечающий и во всем полагающийся на общину, живет, словно объятый дремотой, предаваясь ребяческой беззаботности...»⁷⁰. Русские, по словам Мишле, живут как «моллюски на дне морском; так живут многие дикие племена на далеких островах; поднимемся ступенькой выше, и мы увидим, что точно также живет беспечный русский крестьянин. Он спит в лоне общины, как дитя в утробе матери»⁷¹.

И опять рефреном: Россия – царство фасадов, иллюзия и ложь. По мнению Мишле, император о том прекрасно осведомлен: «Каждый день император убеждается, что его громадная власть – не более чем иллюзия, что его могущество – не что иное, как бессилие; жизнь напоминает ему об этом безжалостно и едва ли не насмешливо <...> Земного бога обманывают, обворовывают, осмеивают и оскорбляют!» Однако, считает Мишле, «постоянства нет даже в обмане <...> Так живет эта непостоянная держава»⁷².

Главный же вывод Мишле таков: «Восхитительно точное определение было дано России, этой разрушительной силе, этому ледяному яду, который она медленно разносила, и который ослабляет жизненные силы, парализует будущие жертвы, лишая их всякой защиты: "Россия – это холера"»⁷³.

⁶⁸ Там же. С. 294.

⁶⁹ Там же. С. 289.

⁷⁰ Там же. С. 290.

⁷¹ Там же. С. 292.

⁷² Там же. С. 298.

⁷³ Там же. С. 302.

На запросы текущей политики откликались не только писатели, поэты и публицисты, но и художники. Во Франции жанр политической карикатуры получил широкую популярность уже в годы Июльской монархии, примером чему служат жесткие социальные карикатуры Оноре Домье. И вот теперь, в годы Крымской войны, во Франции вышла довольно необычная по своему жанру книга – «История Святой Руси», написанная известным графиком-иллюстратором Гюставом Доре (1832–1883). Она стала настоящим русофобским бестселлером: происхождение России, ее история и политическое устройство получили фантастическую и весьма язвительную интерпретацию. Жанр работы был новаторским – графический роман, прообраз будущих комиксов, иллюстрированная история, где под иллюстрациями помещались краткие тексты. Сочетая карикатурные изображения с едкими комментариями, Доре рисовал гротескный образ России, что подчеркивалось самим названием: «Чрезвычайно образная, увлекательная и причудливая история Святой Руси по старинным источникам и историкам: Нестору, Никону, Сильвестру, Карамзину, Сегюру и др. в 500 рисунках с комментариями».

Свою книгу Доре начинал с изображения черного квадрата, поясняя, что «в непроглядной тьме затеряно начало истории России», а первый русский появился в результате «порочной связи» белого медведя и моржихи: «Если верить древнейшим источникам, между 2-м и 3-м годами могучий белый медведь Полнор пленился многообещающей улыбкой красотки-моржихи. В результате этой порочной связи на свет появился русский». Правда, сообщает автор, «другие летописцы в качестве прародительницы русских упоминают не красотку-моржиху, а заурядную самку пингвина»⁷⁴.

Древние русские, согласно Доре, постоянно дрались, калеча друг друга. В один прекрасный момент они поняли, что должны выбрать себе правителя: «После недолгого выяснения отношений, спорящие партии сошлись на том, что для управления народом требуется один, однако целый, мужчина. В ходе усиленных поисков обнаружилось, что среди уцелевших никто (даже люди, имевшие при себе все конечности) не жаждет возглавить массы»⁷⁵. «Таким образом, возникла необходимость пригласить претендента – из соседней Азии». И тут появился Рюрик, который, получив трон, тотчас же направил свои стопы к Константинополю.

⁷⁴ Доре Г. Чрезвычайно образная, увлекательная и причудливая История Святой Руси. М., 2012. С. 7.

⁷⁵ Там же. С. 13.

«Но вскоре ему пришлось возвратиться домой, чтобы умереть от почечной колики <...> Его престолонаследник Игорь также направил свои стопы к Константинополю, но вскоре вернулся в Новгород, где, подобно Рюрику, поспешил умереть от почечной колики <...> Когда же и унаследовавший трон Изяслав обнаружил у себя симптомы этой семейной болезни, лейб-медик дал ему совет: чтобы победить Турцию, достаточно овладеть Черным морем да излечиться от воображаемой хвори»⁷⁶.

Ивана Грозного Доре даже не пожелал описывать: «Многие историки (чтобы не сказать: все) посвятили толстые тома эпохе правления этого чудовища. Нам же, любезный читатель, лучше забыть о кровавом демоне, созерцание которого столь ужасно, что способно огрубить чувства»⁷⁷.

А вот при рассказе о Петре I автор почему-то решил сослаться на «высокоуважаемого Франсуа Рабле, лучшего из знатоков российской истории, в особенности, того периода, когда страной управлял Петр Первый (неважно, что родился мэтр Франсуа почти на двести лет раньше русского властителя, ибо гению дано быть пророком)»⁷⁸. Петр стремился все познать и всему научиться, и «столь разнообразная деятельность привела к тому, что взор его утратил прежнюю выразительность, ибо один глаз стал глядеть на Восток, а другой – на Запад»⁷⁹.

Цель Петра – мировое господство: «В ту роковую ночь посетили его невероятные честолюбивые грезы. Снилось Петру, что, укрывшись за Северным полюсом, сдирает он с глобуса карту Европы и, макая в татарский соус, поедает ее с недюжинным аппетитом <...> Но жесткие Франция и Англия ухитряются так расцарапать ему небо, что он немедленно извергает их из себя, чтобы не задохнуться»⁸⁰.

Рабле является у Доре главным специалистом и по николаевской эпохе. У Николая та же цель, что у Петра: «Водрузить русские знамена во всех столицах варварской, многогрешной Европы. О, этот боевой клич: "1812-ый! 1812-ый!" В какое лихорадочное возбуждение он меня приводит! Я буквально плачу от гордости и от счастья»⁸¹.

⁷⁶ Там же. С. 14–15.

⁷⁷ Там же. С. 87.

⁷⁸ Там же. С. 89.

⁷⁹ Там же. С. 91.

⁸⁰ Там же. С. 107–108.

⁸¹ Там же. С. 146–147.

Однако все усилия России по достижению мирового господства тщетны, и Доре изображает это в виде оплавленной свечи, на которую безуспешно пытаются вскарабкаться русские, поскольку оплывающий свиной жир обрушивается на взбирающихся по шести смельчаков. Кроме того, свеча является также символом недоступного для России просвещения, невозможности ее участия в делах цивилизованного мира. Подобраться к пламени смогла лишь русская летучая мышь, но в результате несчастное животное осталось без крыльев⁸².

Тот факт, что Доре ссылается на Рабле, который, по понятным причинам, ни о Петре, ни о Николае писать никак не мог, очень символичен. Доре это превращает в шутку, но шутка весьма показательна. Ведь иностранцы зачастую и не пытались узнать русских, они заранее знали, что о них напишут и какими их представят. Поэтому к Рабле можно апеллировать буквально по всем вопросам, ведь свой вывод о России французы уже сделали.

Когда по окончании Крымской войны в Париже начала работу мирная конференция, работа Доре была выкуплена в магазинах и уничтожена, поскольку вести переговоры с державой, чей облик выставлен в столь карикатурном виде, было вовсе не дипломатично, тем более что Наполеон III был настроен на сближение с Россией.

Безусловно, Крымская война не только активизировала тему «русской угрозы», но и усилила интерес к России. В то время появляются не только откровенно русофобские работы, но и вполне нейтральные, как, например, некоторые из упомянутых выше текстов Л.-А. Леузон ле Дюка, и даже восторженные. К последним можно отнести «Живописное путешествие по России» филолога и журналиста Шарля де Сен-Жюльена. Он много лет прожил в России, в 1851 г. совершил большое путешествие по нашей стране, итогом которого стала работа, опубликованная накануне Крымской войны⁸³. Она не стала бестселлером, и дело не в том, что она появилась в очень уж неподходящий момент, когда публике было совсем не до травелогов, особенно тех, где Россия описывалась в позитивном ключе. Появись эта книга в другое время, исключая,

⁸² Там же. С. 167.

⁸³ *Saint-Julien Ch., de. Voyage pittoresque en Russie.* P., 1853. В следующем году эта работа вышла под одной обложкой с сочинением М. Бурдьё «Путешествие по Сибири. О нем см. подробнее: *Сперанская Н. М. Шарль де Сен-Жюльен — французский журналист в России // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века.* М., 2013. С. 95–113.

может быть, период франко-русского сближения, а потом и франко-русского союза, ее ожидала бы примерно такая же судьба: иностранный читатель привык к другому образу России. Шарль Корбе полагал, что книга была написана на деньги русского правительства, равно как и само путешествие Сен-Жюльена тоже было профинансировано российскими властями⁸⁴.

На волне интереса к России уже в первые месяцы войны во Франции были опубликованы «Записки охотника» И. С. Тургенева. Французские критики и публицисты наперебой советовали своим читателям ознакомиться с «Записками охотника» как с важным материалом, освещающим изнутри состояние таинственной северной империи, которая направила «грозные орды в атаку на старый мир»⁸⁵. Так, Ф. Морнан писал в *Illustration*: «Большое удовольствие и пользу получит читатель при ознакомлении с "Записками" русского охотника или барина, по-видимому, очень искренними и точными. В этих талантливых рассказах, лишенных всякого отпечатка ремесленности и претензии на эффект, можно найти сведения исключительной ценности, особенно в современных условиях, о загадочной жизни русских рабов»⁸⁶. В годы войны «Записки охотника» пользовались у французской публики большой популярностью⁸⁷.

* * *

Войны рано или поздно заканчиваются. Подписанием Парижского мирного договора 1856 г. завершилась и Крымская война, результаты которой были для России не столь тяжелыми, сколь унижительными. По окончании же войны отношения между Россией и Францией начали быстро восстанавливаться: император Наполеон III, взявший курс на примирение и тесное сотрудничество с Россией, видел в ней влиятельного союзника в игре против Австрии, а также противовес чрезмерно усилившейся Великобритании⁸⁸. Однако ожидаемого сближения не произошло, и виной тому стал в очередной раз польский вопрос, спровоцировавший целую волну антироссийских публикаций во Франции. Потребо-

⁸⁴ Corbet Ch. Op. cit. P. 291.

⁸⁵ Клеман М. И. С. Тургенев и Проспер Мериме // Литературное наследство. Т. 31/32. Русская культура и Франция. М., 1937. С. 712.

⁸⁶ Цит. по: Там же. С. 712–713.

⁸⁷ Французское название книги и весьма вольный перевод возмутили писателя, о чем он написал главному редактору газеты "Le Journal de St. Pétersbourg" 7 (19) августа 1854 г.

⁸⁸ Черкасов П. П. Россия и Франция: триста лет совместной истории // Экономические стратегии. 2010. № 10. С. 11.

валось ждать конца века и русско-французского сближения, чтобы взгляд на Россию и русских изменился.

На примере же рассмотренных работ периода Крымской войны можно убедиться, что восприятие России и русских французскими и в целом европейскими авторами было политически ангажированным и зависело как от внутривнутриполитической ситуации в стране, так и от международной обстановки. Авторы работ о России зачастую выступали в роли своеобразных политических флюгеров, отражавших общественные настроения и выполнявших определенный общественный заказ. Поэтому если карикатуры времен Крымской войны – это полчища ужасных марширующих медведей, то накануне заключения русско-французского союза медведь все же остался, но уже в образе защитника слабой и хрупкой Марианны от хищного немецкого орла⁸⁹.

REFERENCES

- Доре Г.* Чрезвычайно образная, увлекательная и причудливая История Святой Руси. М., 2012 [Dore G. Chrezvychaĭno obraznaia, uvlekatel'naia i prichudlivaia Istorĭia Sviatoĭ Rusi. Moscow, 2012].
- Кабакова Г. И.* Свечкоед. Образ казака во французской культуре XIX века // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 55–77 [Kabakova G. I. Svehkoed. Obraz kazaka vo frantsuzskoi kul'ture XIX veka // Novee literaturnoe obozrenie. 1998. № 34. S. 55–77].
- Клеман М. И. С.* Тургенев и Проспер Мериме // Литературное наследство. Т. 31/32. Русская культура и Франция. М., 1937 [Kleman M. I. S. Turgenev i Prosper Merime // Literaturnoe nasledstvo. T. 31/32. Russkaia kul'tura i Frantsiia. Moscow, 1937].
- Кюстин А.* Предисловие автора к пятому изданию (1854) // Кюстин А. де. Россия в 1839 году / Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. СПб., 2008 [Kiustin A. Predislovie avtora k piatomu izdaniiu (1854) // Kiustin A. de. Rossiia v 1839 godu / Per. s fr. O. Grinberg, S. Zenkina, V. Mil'chinoĭ, I. Staf. Saint-Peterburg, 2008].
- Линькова Е. В., Болливье М. де.* Французская историография Крымской войны (1853–1856 гг.): основные направления и тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 240–253 [Lin'kova E. V., Bolliv'e M. de. Frantsuzskaia istoriografiia Krymskoĭ voĭny (1853–1856 gg.): osnovnye napravleniia

⁸⁹ Речь идет о карикатуре Адольфа Вилле, опубликованной в газете *Le Soleil* от 18 ноября 1893 г.

- i tendentsii // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Istoriiia Rossii. 2020. T. 19. № 1. S. 240–253]
- Мишле Ж.* Демократические легенды Севера // Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / Под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца. М., 2013 [Mishle Zh. Demokraticheskie legendy Severa // Russkii vopros v istorii politiki i mysli. Antologiiia / Pod red. A. Iu. Shutova, A. A. Shiriniantsa. Moscow, 2013].
- Промыслов Н. В.* После «Грозы 1812 г.»: формирование образа врага в исторической памяти французов // ЭНОЖ История. 2016. Том 6. Выпуск 11 (44). URL: <https://history.jes.su/s207987840001363-8-2/> (дата обращения: 18.06.2020) [Promyslov N. V. Posle «Grozy 1812 g.»: formirovanie obraza vraga v istoricheskoi pamiatii frantsuzov // ENOZH Istoriiia. 2016. Tom 6. Vypusk 11 (44)].
- Черкасов П. П.* Россия и Франция: 300 лет совместной истории // Экономические стратегии. 2010. № 10. С. 6–14 [Cherkasov P. P. Rossiia i Frantsiia: 300 let sovmestnoi istorii // Ekonomicheskie strategii. 2010. № 10. S. 6–14].
- Файджес О.* Крым. Последний Крестовый поход. М., 2021 [Faidzhes O. Krym. Poslednii Krestovyi pokhod. Moscow, 2021].
- Arnault A., Judicis L.* Les Cosaques: drame en cinq actes et neuf tableaux. Paris, 1853.
- Bourdier R.* Histoire de la Crimée // Histoire de la guerre d'Orient. 4e série. Paris, 1855.
- Corbet Ch.* A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris, 1967.
- Gleason J. H.* The Genesis of Russophobia in Great Britain. A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge, 1950. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М., 2003 [Vul'f L. Izobretaia Vostochnuiu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniia / Per. s angl. I. Fediukina. Moscow, 2003].
- Krauß Ch.* La Russie et les Russes dans la fiction française du XIXe siècle (1812–1917). D'une image de l'autre à un univers imaginaire. Amsterdam ; New York, 2007.
- La Bédollière É.* Nicolas Ier // Histoire de la guerre d'Orient, 5e série. Paris, 1855.
- Lagny G., de.* Le knout et les Russes. Mœurs et organisation de la Russie. Paris, 1853.
- Léouzon Le Duc L.-A.* La Question russe. Paris, 1853.
- Léouzon Le Duc L.-A.* La Russie et la civilisation européenne. Paris, 1854.

Léouzon Le Duc L.-A. La Russie contemporaine. Paris, 1854.

Malia M. Russia under Western Eyes. From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge (Mass.) London, 1999.

Saint-Julien Ch., de. Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien, suivi d'un Voyage en Sibirie, par M. R. Bourdier. Paris, 1854.

Таньшина Наталия Петровна

доктор исторических наук, профессор
кафедры Всеобщей истории

Института общественных наук

РАНХиГС

119991, Москва, пр. Вернадского, д. 84

профессор кафедры новой и новейшей
истории стран Европы и Америки

Московского педагогического

государственного университета

119991, Москва, пр. Вернадского, д. 88

e-mail: nata.tanshina@mail.ru

Natalia Tanshina

Dr. Hab. (History), professor

Department of General History

of the Institute of Social Sciences,

Russian Presidential Academy

of National Economy and

Public Administration

88 Vernadsky Avenue, Moscow, 119991

Professor, Moscow pedagogical

state University,

84 Vernadsky Avenue, Moscow, 119991

e-mail: nata.tanshina@mail.ru

Researcher ID Q-9669-2016

ORCID: 0000-0001-7373-592X